

Клавдия Владимировна Лукашевич

Дядюшка-флейтист

Клавдия Лукашевич
Дядюшка-флейтист

«Public Domain»

1898

Лукашевич К. В.

Дядюшка-флейтист / К. В. Лукашевич — «Public Domain», 1898

«Наступил вечер. Марья Ивановна зажгла небольшую голубую фарфоровую лампу и надела на нее розовый бумажный абажур. Приятный свет озарил низкую продолговатую комнату, убранную с некоторым щегольством...»

Содержание

Неудачная просьба	5
Маленькие уши и пытливые глаза	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Клавдия Владимировна Лукашевич

Дядюшка-флейтист

Неудачная просьба

Наступил вечер. Марья Ивановна зажгла небольшую голубую фарфоровую лампу и надела на нее розовый бумажный абажур. Приятный свет озарил низкую продолговатую комнату, убранную с некоторым щегольством. Мягкий диван и два кресла были обиты красным ситцем с большими желтыми букетами; перед диваном стоял круглый стол с узорчатой клеенкой; между окнам висело небольшое зеркало, приютился столик с высокими стеклянными подсвечниками, на которых красовались огромные бумажные розетки в форме розанов. На стенах висели олеографии в узеньких золоченых рамках: на двух были изображены дети с собачками – один плачет, другой смеется; на других картинах были необыкновенно яркие пейзажи. Тут же в комнате у стены стояло старинное фортепиано с бронзовыми ручками и этажерка, покрытая пестрой вязаной салфеткой; этажерку украшали чайные чашки, вероятно дареные в именины, масленка в виде огурца, серебряная солонка и несколько дешевеньких статуэток; на окнах из-за тюлевых занавесок виднелись тощая герань и фуксии. Квартира была тесная, с низкими потолками, где-то на окраине города, в одном из тех небольших деревянных домов, где ютятся бедняки, всю жизнь проводящие за тяжелым трудом.

Марья Ивановна, засветив лампу, стала накрывать на стол. Это была женщина высокая, полная, с красным лоснящимся лицом, покрытым веснушками, движения ее, несмотря на полноту, были быстрые, манеры решительные. Она проворно гремела чашками и ложками, двигала столом и стульями, затем поспешно скрылась из комнаты и бегом вернулась с гулко кипящим самоваром; потом грузно опустилась на стул, заварила чай и, сложив на груди руки, задумалась.

В углу за диваном что-то зашуршало и грохнуло на пол.

Марья Ивановна вздрогнула и обернулась.

– Фу, как ты меня испугала! Я совсем о тебе забыла. Чего ты там возишься?! – недовольным тоном проговорила она.

– Я, тетенька, катушку уронила, – послышался тихий ответ; из-за дивана выглянуло худенькое личико с остриженными под гребенку белокурыми волосами и вдумчивыми большими глазами, над которыми резко выделялись темные, приподнятые брови, придававшие лицу выражение не то испуга, не то удивления.

– Липочка! Петр Васильевич! Идите чай пить! – низким, грудным голосом кликнула Марья Ивановна, не обращая больше внимания на выглянувшую из-за дивана девочку.

За тоненькой перегородкой послышалось движение. Отворилась дверь, и вошла молодая девушка – полная, черноглазая, как две капли воды похожая на сидевшую за столом женщину. Девушка была в широком розовом ситцевом капоте; волосы ее на лбу были завиты в бумажные папильотки. Она поспешно подошла к зеркалу и стала внимательно разглядывать свое лицо.

Из-за дивана на смотревшуюся девушку устремились любознательные детские глаза. «Это Липочка опять на свой нос смотрит», – мелькнуло в белокурой стриженной голове.

– Ах, это противное, кривое зеркало! Ну когда вы мамаша, соберетесь купить хорошее? Своего лица узнать нельзя! – проговорила черноглазая девушка.

– Подожди милая. Вот когда твой батюшка свою роденку с рук спустит... тогда можно будет и о наших удобствах подумать... тогда и зеркало тебе купим.

– Смотрите, мама! Какая досада! Опять отчего-то у меня нос краснеет... Что я стану делать?!

– Помажь на ночь кольд-кремом, – посоветовала мать.

Молодая девушка развалистой походкой подошла к столу, села удобно на диван и отложила себе с сухарницы половину булок.

– Не осталось ли у нас, мамаша, ливерной колбасы да вареньица? – спросила она гнусливым голосом, положив небрежно локти на стол.

Мать ласково улыбнулась

– Ишь ты лакомка! Избаловала я тебя! Так и знала! что за чаем попросишь... Конечно, припрятала...

Она поднялась, достала из шкафа кусочек колбасы, чашку с отбитой ручкой и отдала все дочери.

– Петр Васильевич, да иди же чай пить! Наталья, бери свою кружку! – сказала Марья Ивановна, отставляя на край стола желтую кружку и откладывая ломтик хлеба, два сухаря и кусочек сахару.

Наташа вышла из-за дивана. Это была бледная, худенькая девочка лет семи-восьми, одетая в какой-то старый, длинный балахон и в стоптанные туфли. Она, робко ступая по полу, тихо подошла к столу, взяла кружку и снесла ее на стул, к которому заранее подставила скамеечку. Девочка стала пить чай, жадно поглядывая на Липу и провожая глазами каждый кусок булки, который та, обмакнув в варенье, подносила ко рту, хотелось ли ребенку попробовать вкусного или ее занимало чавканье девушки – так и осталось невысказанным.

В это время вошел высокий белокурый господин в очках, худощавый, сутуловатый. Из всех присутствующих только маленькая девочка поразительно походила на него. Вошедший устало потянулся, протер очки, жмуря глаза, и затем глубоко, болезненно вздохнул на всю комнату.

– Фу, как устал! – вырвалось у него.

– Садись чай пить, – сказала Марья Ивановна.

– погоди, дай немножко в себя прийти от этой каторжной работы.

Он стал ходить взад и вперед по комнате, потирая руки, проходя мимо Наташи, взглянув украдкой на сидевших за столом, он порывисто погладил девочку по стриженной голове.

– Машенька, налей Наташе еще чайку, – тихо сказал он.

– Что у нее языка что ли нет? Наталья, что же ты не спросишь? Хочешь?

– Позвольте, пожалуйста, тетенька, – заученным тоном ответила девочка, подходя с кружкой к столу.

– Может, ей булочки еще хочется? – начал было Петр Васильевич.

– Пожалуйста, не беспокойся... – перебила его жена. – Она получила всего вволю... Разве полезно наедаться на ночь? Ты не вмешивайся: твою племянницу не обидят.

Петр Васильевич стал пить чай. Он был молчалив, печален; между бровями у него лежали глубокие морщины – свидетельницы тяжелых дум, пальцы его нервно барабанили по столу.

В комнате наступило молчание.

Черноглазая Липа с аппетитом допивала уже третью или четвертую чашку чаю.

– Мама, да нет ли у нас еще кусочка булки? – спросила она, заглядывая в чашку с отбитой ручкой.

Булка оказалась припрятанной и девушка стала ее намазывать остатками варенья.

Петр Васильевич тряхнул решительно волосами и взглянул на жену.

– Машенька... Вот... я давно все хочу поговорить с тобой, – начал он каким-то заискивающим тоном.

– Насчет чего это? – удивилась Марья Ивановна. Липа перестала жевать и смотрела на отца.

– Да насчет Коли...

– Что еще приключилось с твоим полупомешанным братцем?

– Надо бы его взять к нам...

– Этого не доставало!!! Ты, кажется, намерен всю свою милую роденьку поселить здесь! Тогда и мне с дочерью места не хватит!

– Ужасно жаль Колю! Больной, одинокий, бедствует... Одежды нет... А теперь морозы наступают... Помогать же мне ему решительно не из чего...

– Поменьше бы пил!.. Да место себе сыскал бы... Еще бы ты вздумал на сорок рублей жалованья всех своих родственников содержать! И без того тянемся для них из сил, себе во всем отказываем...

– Нельзя же, Машенька, жить только для себя. Положим, мы люди бедные, помогать много не из чего... Так хоть для близких сделаем по возможности...

– Мало мы еще делаем! – взвизгнула Марья Ивановна. – Вот твоя племянница два года живет! Разве она нам мало стоит? А у нас дочь взрослая... Молоденькой девушке и того и другого хочется... А мы ей даже зеркальца приличного не можем купить...

– Коля немного стоил бы и не помешал бы вам... Он человек недурной и в доме помог бы.

– Ну да!!! Напьется, того и гляди, квартиру спалит, набуянит... Мало ли что может натворить!

– Что ты, Машенька! Он как ягненок, тихий... Конечно, это несчастье с ним случается, выпьет... В семье его скорее остановить, удержать можно... Да и денег у него теперь нет... Если он выпьет, то молчит, сейчас спать ложится... Ты не бойся, я его уговаривать стану: не смеет он.

– Где ж вы, папа, поместить хотите почтенного дядюшку? – спросила Липа.

– Можно, пожалуй, у меня в комнате...

– У тебя нельзя. Самому повернуться негде! – резко сказала жена.

– Ну, хоть в кухне ему уголок отвести: он не требовательный, его судьба не баловала...

– Уж увольте, папа. Мне в кухню тогда и выйти нельзя будет: вечно одевайся, стесняйся...

В своей квартире покою не будет!

– Нет, нет! Как хочешь... Я не согласна взять сюда еще твоего идиота братца. Довольно! Я не соглашаюсь! – крикливо проговорила Марья Ивановна.

– Люди животных жалеют... А для человека, для моего родного брата, у нас ни угла, ни куска хлеба, значит, нет? Он, голодный, нищий, будет умирать зимой под забором, а мы станем спокойно смотреть? Так что ли? Спасибо, жена!

Петр Васильевич встал; он весь трясся, говорил задыхающимся голосом, раскрасневшись и ероша волосы.

– Сделай, пожалуйста, одолжение! Зови сюда своего Коленьку и всю твою милую роденьку. Только уж мы с дочерью уедем, – язвительно проговорила жена, поднимаясь и унося самовар.

Петр Васильевич прошел в свою комнату, стиснув руками голову.

– Ах, эта злополучная судьба! Забила ты нас всех! – громко проговорил он там.

– Вот еще что выдумал! – шипела Марья Ивановна, обращаясь в Липе. – Сами бедствуем... А тут корми всех его дармоедов-родственничков.

– Не соглашайтесь, мама, – шепотом отвечала дочь, подошла к зеркалу, зажгла свечу и стала опять рассматривать свое лицо.

– Твоего почтенного дядюшку и в квартире-то совестно держать. Такой оборванец, точно нищий. Вообще, вся родня твоего папеньки... одно несчастье!

– Ш-ш-ш-ш-ш, мама, тише... «У наших ушки на макушке», – Липа подмигнула на Наташу.

– Ну что она, глупая, смыслит? – возразила мать, убирая чайную посуду.

– Мамаша, купите мне завтра к чаю ливерной колбасы, – попросила Липа.

– Хорошо, милая, куплю.

– Да сварили бы вы к обеду борщ со свининкой. Так хочется.

– Хорошо, хорошо... Дорога нынче свинина-то... Я и то приценялась – знаю, что ты любишь. Завтра пораньше на рынок пойду.

– Наталья, ну чего ты глазеешь? Укладывайся спать! – сказала Липа, а сама еще ближе придвинулась к зеркалу и стала мазать кольд-кремом нос.

Маленькие уши и пытливые глаза

А маленькие детские уши все слышали, пытливые серьезные глаза видели все, и стриженная голова думала много-много...

В небольшой квартире Петровых все затихло. Из-за перегородки слышался ровный, звучный храп хозяйки, а из комнаты хозяина – шуршанье бумаги да скрип пера.

Наташа ворочалась на диване и никак не могла заснуть. Она все думала об этом «Коле», из-за которого сегодня поссорилась тетка с дядей и которого тетя Маша называла то «полупомешанный братец», то «дядюшка-идиот», то «почтенный родственник». В голове девочки неотступно стояли слова: «Он больной, одинокий, несчастный. Люди животных жалеют, а родной брат умирает зимой под забором...» Наташа как будто видит пред собою этого несчастного... Из-за него сегодня у дяди Пети показались на глазах слезы, когда он просил взять его на кухню. И чего тетенька и Липочка не согласились? Какие безжалостные! Неужели им все равно? Девочке так его жаль, что маленькое сердчишко тревожно стучит и сжимается болью, а призрак этого одинокого, голодного дядюшки не дает ей заснуть целую ночь.

Наташа видела его два раза, когда он приходил к Петровым на кухню. Он очень походил на дядю Петю, только голову держал как-то странно, набок, и не мог выпрямить да правую ногу беспомощно волочил за собою.

«Почтенный дядюшка» был маленького роста, с белокурой бородкой, кроткими, голубыми глазами и, должно быть, не очень еще старый. Обедал он всегда на кухне, и когда тетенька выходила, то дядюшка поспешно вскакивал с табурета, суетился, дрожащими руками хватал посуду, предлагал ее помыть, поддерживал тетю Машу под локти и говорил: «Тихохонько, осторожнее, Марья Ивановна, не оступитесь». При этом он весь сгибался, говорил тихо, и губы его дрожали. Тетя Маша с ним никогда ничего не говорила, даже не смотрела на него.

Видела Наташа, как раз дядя Петя сунул «почтенному дядюшке» две папироски и серебряную монету, а тот так торопливо все спрятал, точно боялся, что у него это отнимут.

Лежит Наташа на диване и думает, думает без конца... Вспоминает она, как дядя Петя говаривал не раз, что они все неудачники, что судьба забила его, Колю и Мишу – покойного отца девочки. Эта самая судьба представлялась ребенку в виде полной, высокой бабы, которая своими большими, толстыми руками немилосердно колотила дядю Петю, Колю и Наташина папу. Девочке было их жаль, хотелось бы отнять от этой злой бабы, но что она, маленькая и слабая, могла сделать? Уткнувшись в свою жесткую подушку, Наташа начинала беспомощно тихо плакать.

Наташа была сирота. Матери она не знала: та умерла, когда Наташа появилась на свет. Жизнь малютки-девочки с больным отцом была нерадостная. Наташа не знала ласк и любви матери и не видела счастливого детства. Она была очень болезненная, молчаливая, апатичная... Отец любил ее, по-своему жалел, но рано покинул этот мир. Два года тому назад его не стало, и перед смертью он умолял брата Петра не покидать бедную сироту, у которой не было ни души на свете.

Дядя Петя взял малютку и привез ее в свою семью. Марья Ивановна тогда очень сердилась и ни за что не хотела оставить у себя Наташу.

– Пожалеи, Машенька, сиротку... – умолял Петр Васильевич. – Я брату перед смертью обещал... Не исполнить такой обет – грешно! Нас Господь накажет! У девочки никого нет на свете. Не на улице же ее бросить! Подержим недолго. Я стану хлопотать в казенное место поместить.

Девочку оставили в семье.

Тетка и Липа не обижали Наташу, т. е. не морили ее голодом, не били, не мучили. Но ведь бывают иные обиды, такие же горькие и чувствительные. Наташу не любили, не жалели, угнетали нравственно; она была в семье лишняя, нежеланная...

– Чего ты тут под ногами вертишься? Отойди, сядь в сторону! – кричала тетка, если девочка попадалась ей на дороге. – Не греми, сиди тише, – говорила она, если Наташа нечаянно производила шум.

– Пожалуйста, не приставай с твоими глупыми вопросами! – обрывала девочку Липа при малейшей попытке говорить. – Ну, чего ты на меня так смотришь? Ведь я не картина! – вдруг набрасывалась она, заметив устремленные на нее большие детские глаза.

Тихо, точно тень, бродила маленькая Наташа по квартире, но всего чаще она сидела за диваном на скамеечке и молча наблюдала за происходившим в доме.

Тетка и Липа считали Наташу глупой, чуть ли не дурочкой. Но если бы они когда-нибудь могли заглянуть в ее маленькую душу, поинтересовались бы, о чем молят ее большие грустные глаза, прислушались бы хоть раз к сиротским слезам в длинные зимние ночи!

Наташа росла, как былинка в поле: до нее никому не было дела. Утром она тихо вставала, сама мылась, одевалась в какое-то старье. Девочку ничему не учили, никто с ней не разговаривал; она знала твердо одно, что ей никогда ничего не позволяют. Если ее посылали в лавку или в булочную, то она шла, оглядываясь по сторонам, и спешила как можно скорее домой, – она была очень пуглива, страшилась уличного шума и даже боялась людей.

Если Наташа заболела, то ее укладывали в кухне на сундук. Она лежала целыми днями одна, без жалоб, без просьб.

Был, правда, один человек, который как будто и жалел сиротку: дядя Петя изредка украдкой гладил Наташу по голове и просил для нее чего-нибудь у Марьи Ивановны. Но маленькая стриженная головка рано привыкла за всем наблюдать, все обсуждать по-своему. Наташа давно решила в своем умишке, что дядя Петя боится тети Маши и делает все так, как она хочет, а что тетя Маша делает все так, как хочет Липа. «За что обе они терпеть не могут родню дяди Пети? За что?» – спрашивала себя девочка и не находила ответа.

Жизнь в маленькой квартире шла изо дня в день однообразно, пусто и бессодержательно. Такая жизнь там, где есть молодые девушки, уже отходит в область преданий. Теперь молодые девушки стремятся быть полезными, учиться чему-нибудь, трудиться для своих и чужих по мере сил, сделать жизнь по возможности приятнее и счастливее. Липа же представляла собою жалкое исключение: целыми днями она или сидела у окна и что-нибудь жевала, или смотрелась в зеркало, или лежала с книгой на диване... Она полнела, скучала и придиралась к Наташе. А между тем, девушка училась в школе и могла бы жить счастливо, с пользой, и других сделать счастливыми, хотя бы ту же маленькую Наташу...

Лишь изредка молодая девушка принималась делать какие-нибудь никому ненужные бумажные розетки или садилась за рояль.

Наташа выглядывала из-за дивана и за всем наблюдала, даже многое умела угадать. «Сейчас Липочка будет приер дивьер (Молитву Девы) играть», – соображала девочка, если двоюродная сестра особенно грациозно поднимала над фортепиано руки. Липа всегда играла одну и ту же пьесу, твердо знакомую Наташе с мудреным названием «приер дивьер», как говорила девушка. Иногда Липа откидывала голову назад и поднимала глаза к потолку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.